
«И эту тень я проводил в дорогу...»

Памяти Эллы Владимировны Брагинской
(1 января 1926 — 2 июня 2010)

В возрасте 84 лет умерла известная переводчица с испанского и каталонского языков Элла Брагинская. Она открыла для России, в частности, книги Габриэля Гарсиа Маркеса и Хулио Кортасара. Благодаря ее труду российские читатели смогли познакомиться также с творчеством Хорхе Луиса Борхеса, Габриэлы Мистраль, Пабло Неруды и Рафаэля Альберти. Элла Владимировна работала во Всесоюзной государственной библиотеке иностранной литературы. Начала печататься в 1960 г., состояла в Союзе писателей и гильдии «Мастера литературного перевода», была верным другом и любимым автором журнала «Латинская Америка».

Вот и все. Несколько месяцев тому назад Элла Владимировна всем, кого в этом мире любила, позвонила: «Я кончилась. Меня больше нет». Она и в этом оказалась не такой, как все, — абсолютно точно (слишком, увы, точно!) ощутив то, о чем обычно люди не знают. Э.В. всегда знала, ибо, смиряясь с необходимостью учитывать здравый смысл, все равно полагалась на интуицию и следовала ей. Все женские достоинства были ей присущи, равно как и все недостатки, однако в ее случае недостатки не только не портили, а словно бы еще больше украшали. Дело в том, что Э.В. была абсолютно восхитительной женщиной. Именно так: не дамой, и не леди, и даже не сеньорой (если воспользоваться «ее» языком, которым, как в устном общении, так и в письме, она владела с дивно-небрежной грацией) — нет, нет! Именно женщиной! Но — шампанской женщиной: импульсивной, непредсказуемой, импровизационной. Она была артисткой, об этом своем даре знала, им пользовалась. В последней своей больнице, прошлой осенью, все с той же восхитительной небрежностью совершенно свела с ума очередную жертву собственных чар. «Жертве» еще не было пятидесяти (мальчишка!), и явно никогда ему такого не встречалось: старая (увы, увы!) женщина, которая уже с трудом ходит, — а столько огня, шарма и обольстительности! Слушать ее ироничные рассказы об этой очередной победе было истинным наслаждением!

Как она умела рассказывать! В ее устах, в ее интерпретации самые банальные эпизоды обретали столько смыслов, обертонов, нюансов. Рассказчица, сочинительница, фантазерка, она прожила ту жизнь, которую проживали все вокруг, до конца так и не утратив этого юного любопытства ко всему и всем. А сколько иронии в ней было! А сколько самоиронии (что намного труднее)! Как она сама над собой подсмеивалась, когда пошли столетия ее былых поклонников: Рафаэля Альберти, Пабло Неруды, Франсиско Колоане... Для иных — великие имена на пьедестале XX века, а для нее... Она их всех завоевывала своеобразием собственной личности, непохожестью на других. А кроме того Э.В. была изумительно легкомысленна. Завидно легкомысленна. Расчет, «перспективные планы» были ей столь чужды... Это привлекало и, что характерно, в итоге приносило куда большие «дивиденды», нежели «умные построения». Впрочем — это все для «своих», а для русской культуры (именно так!) появлялись ее переводы, замысленные ею книги и новые имена. Ей мы обязаны открытием и Кортасара, и Сепульведы, и двух поэтов, книги которых, в последние уже годы, придумала и собрала она, — Габриэлы Мистраль и Висенте Уйдобро. Обе вышли под эгидой нашей библиотеки, которой Э.В. оставалась верна неизменно! А как она притягивала к себе людей — еще один небывалый сюжет. Народ вокруг нее колготился и крутился всегда — любого возраста и любого статуса. Не особенно различая ни того, ни другого, она про каждого знала все! Люди, самые закрытые, ей открывались. Она владела особым даром — равнодушием. Это так редко бывает, почти никогда. По этой причине, в частности, столько людей, не всегда даже друг с другом знакомых, вмиг разом осиротели. Немудре-

но: а к кому пойдешь? Ей ведь по телефону читали — каждый свою «продукцию»: кто стихи, кто художественную прозу, а кто и нехудожественную. Точность оценок была немыслимая! Да, вкус, да, опыт, да, доброжелательность... Главное — она и в самом деле каждого слушала. И слышала. Впрочем, в ее отношении к друзьям не было ни умильности, ни прекраснотуши: могла быть жесткой, категоричной, резкой, могла и несправедливой (о чем потом жалела!). Одного не было и не было никогда — равнодушия. Вежливые политесы она ненавидела всем своим существом либо презирала. Этим чувствам, подчас очень в ней сильным, тоже отдавала дань.

Ее мужем в течение многих лет был замечательный художник, чье имя когда-то стояло в одном ряду с Фальком, Удальцовой, — Владимир Львович Храковский. Потом — забылось. Так случается иногда почему-то. В последние годы Э.В. словно спохватилась: успела-таки и провести выставку, и выпустить каталог, и даже отыскать людей, которые, будучи молодыми, входили в тот же художественный круг.

Потому что на самом-то деле Э.В. всегда жила под знаком слова «надо». Ставила цель и добивалась. А препятствий — чем больше, тем тем забавнее (любимое ее слово, а уж сколько в нем подчас таилось смыслов!). Только ничего никогда не декларировала и не возглашала, оттого самые серьезные ее дела казались окружающим той самой игрой, на которую такой была мастерицей.

Была, была, была... Проклятое прошедшее время, с его безнадежностью и безысходностью. А секрет Э.В. и оставленный нам урок в том, быть может, что сакраментальную дилемму «быть или не быть» она всегда решала так: конечно же «быть», а там поглядим.

Теперь ее самой больше нет, и «глядеть» придется тем, кто остался. Самим. И вот тут-то мы и увидим, сколь впрок пошли нам «брагинские уроки»...

ЮРИЙ ФРИДШТЕЙН (fart48@mail.ru)
Всероссийская государственная
библиотека иностранной литературы
Фото Т.ПИГАРЕВОЙ